

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Прокурор как сторона обвинения в судебном разбирательстве»

Обучающийся

О.Д. Новиков

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, О.Е. Репетева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность исследования. В СССР прокурор являлся стражем порядка и закона, обеспечивал и сохранял верховенство социалистического закона, стоял на защите прав и свобод человека и гражданина, обладал правом процессуального руководства за органами предварительного расследования. Действующая процессуальная форма участия прокурора в предварительном расследовании уголовного дела фактически отстраняет его от формулировки предварительного обвинения и возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, на которых он будет строить позицию стороны обвинения на судебных стадиях рассмотрения дела. Реформы 2007-2011 гг. в значительной степени снизили участие прокурора в формулировке обвинения и формировании доказательственной базы при взаимодействии с органами, осуществляющими предварительное следствие, и, ввиду этого, его роль в определении предмета судебного разбирательства. Нововведениям одним из первых дал свою оценку бывший Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка: во всём мире прокурор может давать следователю обязательные к выполнению указания, что подтверждает фактическое главенство стороны обвинения. А в российском уголовном процессе прокурор лишь формально возглавляет обвинительно-следственную власть. Дополним мысль тем, что сформулированный органами предварительного расследования и прокурором обвинение становится предметом судебного разбирательства (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). К сожалению, необходимо констатировать, что сохранение действующей модели взаимодействия прокурора со следственными органами лишь усиливает декларативное отношение к прокурору как главе стороны обвинения, а также отстраняет его от формулировки обвинения, определяющего в последующем предмет судебного разбирательства.

Цель исследования заключается в анализе современной модели участия прокурора как стороны обвинения в судебном разбирательстве.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Прокурор как субъект уголовного процесса	7
1.1 Ретроспективный анализ участия прокурора в уголовном процессе	7
1.2 Процессуальная функция и процессуальный статус прокурора в современном уголовном процессе России	19
Глава 2 Деятельность прокурора как государственного обвинителя в судебном разбирательстве	29
2.1 Участие прокурора в подготовительной части судебного разбирательства	29
2.2 Участие прокурора в судебном следствии	34
2.3 Участие прокурора в судебных прениях	38
2.4. Отказ прокурора от государственного обвинения и его последствия	42
Глава 3 Проблемы участия прокурора в судебном разбирательстве и предложения по их разрешению	49
Заключение	57
Список используемой литературы и используемых источников	61

Введение

Актуальность исследования. В СССР прокурор являлся стражем порядка и закона, обеспечивал и сохранял верховенство социалистического закона, стоял на защите прав и свобод человека и гражданина, обладал правом процессуального руководства за органами предварительного расследования. Действующая процессуальная форма участия прокурора в предварительном расследовании уголовного дела фактически отстраняет его от формулировки предварительного обвинения и возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, на которых он будет строить позицию стороны обвинения на судебных стадиях рассмотрения дела. Реформы 2007-2011 гг. в значительной степени снизили участие прокурора в формулировке обвинения и формировании доказательственной базы при взаимодействии с органами, осуществляющими предварительное следствие, и, ввиду этого, его роль в определении предмета судебного разбирательства. Нововведениям одним из первых дал свою оценку бывший Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка: во всём мире прокурор может давать следователю обязательные к выполнению указания, что подтверждает фактическое главенство стороны обвинения. А в российском уголовном процессе прокурор лишь формально возглавляет обвинительно-следственную власть [12]. Дополним мысль тем, что сформулированный органами предварительного расследования и прокурором обвинение становится предметом судебного разбирательства (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). К сожалению, необходимо констатировать, что сохранение действующей модели взаимодействия прокурора со следственными органами лишь усиливает декларативное отношение к прокурору как главе стороны обвинения, а также отстраняет его от формулировки обвинения, определяющего в последующем предмет судебного разбирательства. Кроме того, несовершенство процедуры подготовки прокурора к судебному разбирательству влечёт его процессуальную пассивность, низкую осведомленность о процессе и результатах произведенного расследования,

поручение поддержания государственного обвинения помощникам прокуроров с небольшим практическим опытом работы. Сохранение такой тенденции приводит к малозначительной роли прокурора в судебных стадиях расследования уголовного дела.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при участии прокурора как стороны обвинения в судебном разбирательстве.

Предмет исследования составили нормы УПК РФ, регламентирующие общие положения и особенности участия прокурора как стороны обвинения в судебном разбирательстве.

Цель исследования заключается в анализе современной модели участия прокурора как стороны обвинения в судебном разбирательстве.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- произвести ретроспективный анализ участия прокурора в уголовном процессе;
- охарактеризовать участие прокурора в уголовном процессе России;
- выяснить роль прокурора в формулировке предмета судебного разбирательства;
- установить роль государственного обвинителя в судебном разбирательстве;
- проанализировать полномочие государственного обвинителя на отказ от государственного обвинения;
- выявить проблемы участия прокурора в судебном разбирательстве и предложить авторские пути их решения.

Степень научной разработанности темы магистерского исследования. Анализ уголовно-процессуальных полномочий прокурора, в т.ч. критика декларативного подхода законодателя о верховенстве прокурора участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения осуществляется в диссертационных и монографических работах таких авторов, как В.И. Басков, В.В. Клочков, Г.Н. Королев, Е.Л. Никитин, М.Е. Пучковская, В.М. Савицкий,

А.Б. Соловьев, Д.А. Сычев, К.А. Таболина, А.Г. Халиулин, С.А. Шейфер и многих других. Отдельные проблемы реализации уголовно-процессуальных полномочий прокурора разрабатывались в работах В.П. Божьева, А.О. Бозоян, Е.А. Буглаевой, Ю.Е. Винокурова, В.А. Горленко, П.Г. Гаджирамазановой и других авторов.

Нормативная база исследования сформирована из положений Конституции РФ, УК РФ, УПК РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», федеральных законов, вносящих изменения в отдельные федеральные законы, приказов Генпрокуратуры России «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, проекта Федерального закона № 550619-7.

Структура исследования включает введение, три главы, разделённые на пять параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Прокурор как субъект уголовного процесса

1.1 Ретроспективный анализ участия прокурора в уголовном процессе

Зарождение должности прокурора в Российской Империи произведено под лозунгом стороннего надзора за деятельностью Правительствующего Сената, нуждавшегося в «объединении какую-либо живою и деловую силой, которая охраняла бы везде правильное применение истинной мысли Государя» [30, с. 245]. «Необходимо было учреждение с чисто личным характером, созданное для непрерывного надзора и преследования» [10, с. 89]. Решением названной задачи явилось учреждение при Правительствующем Сенате фискалов, надзиравших за нормальным ходом и разрешением дел, а 27.04.1722 г. Петром Великим вводится новая должность при Сенате – генерал-прокурор, а на местах – обер-прокуроры.

Новаторская деятельность Петра I положительно оценивается авторами-современниками. Изначальное назначение введения должности прокурора, как пишет Н.В. Муравьев, заключалось не в обвинении, а в слежке за надлежащим выполнением законов: «то было охранение законов в обширном смысле, наблюдение за их исполнением преимущественно в казенном, а также в общественном интересах. Собственно судебная, обвинительная или исковая деятельность в этих интересах составляла лишь одно из частных дополнений к функции надзора, едва намеченное в законе, слабое и незначительное на практике» [30, с. 359]; «...широкий контроль за всеми государственными учреждениями и охранение силы и действия законов...» [84, с. 17].

В 1722 г. издаётся именной Указ «О должности прокурора в коллегиях, мануфактур и статс-конторах, в магистратах и в надворных судах», которым прокурор наделяется надзорными функциями за судебными делами: «Ежели увидит, что противно делают, в том протестовать и доносить Генерал-Прокурору и в том иметь осторожность и рассмотрение. – Також смотреть,

чтоб Коллегия в судах и росправе праведно и нелицемерно поступала; а ежели что увидит противно сему в Коллегии: он должен тотчас предлагать оной Коллегии явно с полным изъяснением, в чем они не так делают, дабы исправили, что они повинны учинить. А ежели не послушают, должен тотчас протестовать, и оное дело остановить, и немедленно донести Генерал-Прокурору, тогда оное дело в Государственном Суде рассмотрено будет. Також надлежит ему в доношениях явных Генерал-Прокурору осторожно и рассморительно поступать, дабы напрасно Коллегии бесчестия не учинить, таким образом, ежели увидит какое дело, хотя и противное ему покажется, да неясно, или да вида имеющее, то протестациею останова, не тотчас доносить, но посоветовать, с кем он за благо рассудит» [52, с. 13-14].

07.11.1775 г. принимается «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». Теперь на досудебной стадии рассмотрения дела губернский прокурор и его стряпчие не смотря на выполнение задач по «надзору за следствием, отдельных процессуальных форм такого надзора – актов прокурорского реагирования закон не предусматривал. Указанному сопутствовала несамостоятельность прокурора в области уголовного преследования. Донесение губернского стряпчего с полученным письменным заключением прокурора, как акт уголовного преследования, обретало юридическую силу лишь после одобрения губернского правления» [71, с. 49-50].

Первым министром юстиции и генерал-прокурором в 1802 г. становится Г.Р. Державин, который выработал 7 принципов деятельности прокуратуры: «По производству уголовных дел прокуроры наблюдают, с одной стороны, чтобы не происходило где кому пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений всякого рода на обвинения невинности, а с другой – упущения и послабления преступления» [18, с. 19].

Показательным нововведением судебной реформы 1864 г. являлось заложение основ института отказа прокурора от обвинения в части: «в силу ... этических требований, прокурор приглашается сказать свое слово даже в

опровержение обстоятельств, казавшихся, при предании суду, сложившимся против подсудимого, причем в оценке и взвешивании доказательств он вовсе не стеснен целями обвинения. Иными словами, ему сказано, что он говорящий публично судья. На обязанности его лежит сгруппировать и проверить все, избличающее подсудимого, и, если подведенный им итог с необходимым и обязательным учетом всего, говорящего в пользу обвиняемого, создаст в нем убеждение в виновности последнего, заявить о том суду. Сделать это надо в связанном и последовательном изложении, со спокойным достоинством исполняемого долга, без пафоса, негодования и преследования какой-либо иной цели, кроме правосудия, которое достигается не непременно согласием суда с доводами обвинителя, а непременно выслушанием их» [22, с. 62].

В 1864 г. принимается Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС 1864 г.), регламентировавший процессуальный статус прокурора. Потенциал УУС 1864 г. в части регулирования уголовно-процессуальной деятельности прокурора раскрывается в труде И.Я. Фойницкого: «Несмотря на чрезвычайно широкий объём работы по охране закона, лежащий на прокуратуре, в деятельности ее преимущественное значение имеет другая сторона – обвинительная. Переходя в уголовном процессе от следственного порядка к состязательному, законодатель вынужден был озаботиться организацией обвинения, и возложил его на прокуратуру. В этом качестве она: руководит дознанием, наблюдает за предварительным следствием и возбуждает уголовное преследование» [83, с. 533]. Впрочем, И.Г. Щегловитов замечает значительный дисбаланс и нарушение принципа состязательности сторон, т.к. УУС 1864 г. определял прокурорскую власть наравне с судебной [86, с. 89]. Однако, А.Ф. Кони объяснял такое положение сторон особой значимостью фигуры прокурора, соединявшего «обязанности обвинителя и во многих отношениях функции дореформенного губернского прокурора» [21, с. 5]. Дополнял эту позицию Н.Д. Сергеевский тем, что «кроме судебных функций по возбуждению обвинений и проведению их на суде, на чинной прокуратуры возлагают функции надзора за порядком отправления правосудия, за

соблюдением законов, а равно и заботы об охране государственно – казенных интересов» [66, с. 41].

Декретом СНК «О суде» от 24.11.1917 г. дореволюционная система прокуратуры и суда упразднены. Как мотивировал коренные реформирования В.И. Ленин: «Мы расчистили этим [Декретом] дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессии, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей...» [29, с. 421]. Однако, спустя 5 лет назревает необходимость формирования надзорного органа, отделенного от трёхзвенной системы органов государственной власти, в связи с чем 28.05.1922 г. вводится «Положение о прокурорском надзоре», образуется Государственная прокуратура в составе НКЮ РСФСР [37].

Процессуальным вопросам деятельности прокуратуры посвящается ведомственная инструкция НКЮ РСФСР «Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора» от 29.07.1922 г. Назначение советской прокуратуры заимствовало отчасти идею дореволюционного законодателя: «... являясь органом надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных лиц, прокурор проявляет этот надзор во всех случаях, когда имеется налицо нарушение закона или такое бездействие, которое грозит интересам пролетарского государства» [9, с. 14]. Временная инструкция наделила губернских прокуроров такими правами, как «возбуждение уголовных дел о должностных и хозяйственных преступлениях; контроль за работой органов следствия, включая ГПУ, наблюдение за производством дознания и предварительного следствия; возбуждение по собственной инициативе и по поступающим к нему жалобам и заявлениям уголовного преследования против должностных лиц и граждан» [34, с. 336]. Перечисленные полномочия прокурора в уголовном процессе стали стартовой точкой для последующей модернизации уголовно-процессуальной фигуры прокурора.

17.12.1933 г. ЦИК и СНК СССР издаёт Положение о прокуратуре СССР. Определялось 5 направлений деятельности союзной прокуратуры:

- «надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств СССР, союзных республик и местных органов власти Конституции СССР и постановлениям Правительства СССР;
- наблюдение за правильным, обоснованным и единообразным применением законов судами союзных республик, а также опротестование и приостановление исполнения решений всех судов;
- возбуждение уголовного преследования и поддержание государственного обвинения во всех судах на территории СССР;
- надзор за законностью и правильностью действий милиции и исправительно-трудовых учреждений;
- руководство деятельностью прокуратур союзных республик» [7, с. 59-60].

24.05.1955 г. принимается «Положение о прокурорском надзоре», 25.12.1958 г. «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» и 27.10.1960 г. УПК РСФСР, где утверждалась идея о верховенстве прокурорской власти в уголовно-процессуальной деятельности [85, с. 80]. Ряд авторов вовсе видели контрольно-распорядительные функции прокурора в среде участников уголовного процесса: о процессуальном руководстве рассуждали Н.В. Жогина [14, с. 98] и И.Г. Сапожникова [64, с. 22], а В.М. Савицкий утверждал, что «надзор за расследованием состоит в осуществляемом прокурором процессуальном руководстве деятельностью органов расследования. Вне такого руководства предоставленные прокурору надзорные полномочия не могут быть реализованы...» [63, с. 210].

27.10.1960 г. принимается УПК РСФСР, который позволил прокурору стать «ключевой фигурой в уголовном судопроизводстве, сосредоточив в своих руках, по сути, всю полноту обвинительной власти. Закрепленные в законе полномочия позволяли ему в досудебных стадиях уголовного процесса решать любой вопрос о направлении движения уголовного дела» [24, с. 109].

Роль прокурора в уголовно-процессуальной деятельности была уточнена, и не сводилась к надзору за исполнением участниками уголовного процесса законов: «Обязанность прокурора принимать меры к устранению нарушений закона со стороны любого участника судебного разбирательства не означает, что прокурор «стоит над судом», что он приходит в суд, чтобы надзирать за судом. Прокурор приходит в суде прежде всего для того, чтобы добиться справедливого наказания судом виновного, удовлетворения обоснованного иска, помочь суду правильно разрешить уголовное или гражданское дело, осуществить правосудие. Но если при рассмотрении и разрешении того или иного дела допускается нарушение процессуального или материального закона, прокурор обязан немедленно реагировать точно так же, как он обязан реагировать на всякое нарушение закона со стороны другого органа или лица, участвующего в уголовном или гражданском судопроизводстве» [53, с. 168-169]. Таким образом, по УПК РСФСР 1960 г. прокурор сохраняет статус блюстителя закона как в стадии предварительного расследования, так и в стадии судебного разбирательства по уголовному делу.

30.11.1979 г. принимается Закон «О прокуратуре СССР», определивший за прокуратурой СССР такие направления уголовно-процессуальной деятельности, как:

- «надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия;
- надзор за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом;
- борьба с преступностью и другими правонарушениями, расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости ответственности за преступление» [16].

С целью реализации перечисленных задач прокурор «в зависимости от нарушения закона должностным лицом или гражданином выносит

мотивированное постановление о возбуждении уголовного дела, возбуждении дисциплинарного производства или о возбуждении производства об административном правонарушении (ст. 26 Закона «О прокуратуре СССР» 1979 г.). Изложенное положение привнесло новое восприятие прокурора как участника уголовного процесса: сохраняя роль надзирающего органа, прокурор уполномочивается на возбуждение уголовных дел в отношении поднадзорных лиц, допустивших серьёзные нарушения советского законодательства. Этим укреплялась его позиция среди субъектов уголовного процесса: надзор прокурора являлся одной из гарантий соблюдения законности в уголовном процессе, его участие признавалось одним из основополагающих принципов советского уголовного процесса» [2, с. 10], а «законодательство СССР рассматривало прокурорский надзор как высший и всеобъемлющий, распространяющийся и на сферу осуществления правосудия. Поэтому прокурор, участвуя в судебном разбирательстве при рассмотрении уголовных дел, не просто высказывал мнение по обсуждаемым вопросам, но давал свое заключение, а в случае несогласия с судебным актом приносил на него свой протест. Мнение прокурора в уголовном процессе носило доминирующий характер, и суды, формально имеющие право на собственное мнение и самостоятельное решение, как правило, соглашались с его заключением» [26, с. 4].

Закон «О прокуратуре СССР» 1979 г. признавал за прокурором статус стража порядка и закона, субъекта обеспечения и укрепления верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, отводил процессуальное руководство за органами предварительного расследования, поскольку в последующем ему придётся поддерживать государственное обвинение в суде, основанное на материалах, собранных в результате предварительного следствия и дознания. Закон «О прокуратуре СССР» 1979 г. утратил законную силу после принятия 17.01.1992 г. Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», резюмировавшего такие задачи прокуратуры РФ в уголовно-процессуальной сфере, как:

- «надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, надзор за исполнением законов судебными приставами;
- надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу;
- уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации» [79].

12.12.1993 г. принимается Конституция РФ, опередившая в качестве первостепенной задачи прокуратуры РФ «надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями» (ч. 1 ст. 129 Конституции РФ) [23]. В продолжении ретроспективного анализа В.А. Лазарева пишет, что «начавшаяся в стране в конце 80-х годов прошлого века судебно-правовая реформа, обратившись к понятию правового государства, приняла идею разделения властей, вследствие реализации которой в России началось становление независимой судебной власти. Это потребовало пересмотра устоявшихся представлений о взаимоотношении суда и прокуратуры, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Прокурор не мог более осуществлять надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел судом, однако отказ от сложившихся традиций происходил в обстановке жарких дискуссий и споров. Концепция судебной реформы предложила перераспределить в пользу судебного контроля некоторые надзорные полномочия прокурора в досудебном производстве и создала тем самым основы для судебного контроля над уголовно-процессуальной деятельностью и самого прокурора ... принятая в результате всенародного обсуждения Конституция РФ (1993), а спустя значительное время и Уголовно-

процессуальный кодекс РФ (2001) закрепили состязательность в качестве принципа уголовного судопроизводства и разделили всех его участников на две стороны, поставив таким образом точку в дискуссиях о соотношении функций прокурора и суда» [26, с. 4-5].

В 2001 г. принимается УПК РФ, где прокурор формально занимает лидерскую позицию в системе обвинительной власти, на что указывают контрольно-надзорные функции за органами дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ) [77], и осуществление уголовного преследования в суде в качестве государственного обвинителя (ч. 2 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Авторитет прокурора как главы обвинительной власти существенным образом пострадал после вступления в законную силу Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», который исключил из перечня процессуальных полномочий прокурора право: возбуждать уголовные дела; давать согласие на возбуждение уголовных дел и ходатайств об избрании, отмене или изменении меры пресечения и т.д. [80]. В пояснительной записке к данному закону сообщалось, что нововведения позволят повысить независимость органов предварительного расследования и повысить качество прокурорской надзорной деятельности. Возразим изложенному, поскольку правоприменительная практика демонстрирует верховенство внутриведомственных интересов следственных органов над требованиями прокурора об устранении нарушений закона: существующая ведомственная разобщенность препятствует взаимодействию прокурора и следователя, влечёт взаимное недовольство, нерациональное использование доказательств, собранных следователем, прокурором в рамках досудебного рассмотрения дела, возмущения прокурора об упущенных доказательствах, отсутствие единой позиции стороны обвинения [75, с. 34-35].

В 2010 г. принимается Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с

совершенствованием деятельности органов предварительного следствия», которым вводится «компромисс» – одним из поводов к возбуждению уголовного дела признаётся постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) [81]. Возникает двоякая ситуация, где, во-первых, законодатель попытался таким способом возместить ранее исключенное право на возбуждение уголовных дел, а, во-вторых, не учёл, что собранный и проверенный прокурором материал, оформленный постановлением с грамотной мотивировкой и уголовно-правовой оценкой содеянного, будет вновь проверяться с нуля, превращаясь в простое сообщение о преступлении. Удачно охарактеризовал сложившуюся ситуацию В.П. Божьев: «сохранившиеся полномочия прокурора по осуществлению надзора за следствием напоминают статус делегата конференции с совещательным голосом» [3, с. 8]. Дополнение процессуальных возможностей прокурора названным полномочием в 2010 г. не возымело эффекта: наличествовал рост числа процессуальных нарушений и количества возбужденных уголовных дел после проведения дополнительных проверок, инициированных прокурором [17]. Бывший Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка дал следующую оценку сложившейся ситуации: «остается невысоким качество следствия и дознания. Значительное количество уголовных дел возвращается прокурорами для дополнительного расследования. Число таких дел в 2012 г. превысило 37 тыс. Доля уголовных дел, оконченных с превышением срока, установленного законом, растет угрожающими темпами. В истекшем году это практически каждое третье дело в органах внутренних дел, а в Следственном комитете и ФСКН – почти каждое второе. В следственных органах всех ведомств значительно возросли и сроки содержания под стражей. Увеличивается количество лиц, срок ареста которых превышает один год (в МВД России – на 15%, в СК России – на 25%, а в ФСКН России – почти на 70%). Всего же в 2012 г. прокурорами установлено свыше

5 млн нарушений законов, допущенных на досудебной стадии уголовного судопроизводства» [13].

Приведенные обстоятельства сужают круг возможностей прокурора воздействовать на органы следствия с целью формулировки единообразной позиции относительно обвинения, доказательств по делу и тактики государственного обвинения в рамках судебного разбирательства. Так, например, 20.08.2018 г. следователем ФИО1 было принято решение о возбуждении уголовного дела в отношении П. Позиция К.И.В. – начальника управления прокуратуры Свердловской области по надзору за процессуальной деятельностью СУ СК РФ по Свердловской области, – относительно данного решения отрицательная, поскольку отсутствовали основания его принятия, о чём вынес соответствующее постановление с указаниями. Вопреки указаниям прокурора, следователь ФИО1 около 8 месяцев расследовал возбужденное уголовное дело, надзор за которым осуществлялся в отделе 15/1 прокуратуры Свердловской области. В апреле 2019 г. данное дело передано во второй отдел СУ СК РФ по Свердловской области, а надзорное производство – в отдел 15/2 прокуратуры Свердловской области, а именно прокурору отдела Ш. В рамках расследования от участников процесса поступали многочисленные жалобы, уголовное дело изучалось прокурором Ш., которым составлялись соответствующие ответы, а именно об отсутствии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, о чём вносились требования в СУ СК России по Свердловской области. 20.08.2019 г. уголовное дело было прекращено, а для дополнительной проверки законности принятого решения был сделан запрос в отдел 15/2 прокуратуры Свердловской области прокурору Ш., который подтвердил законность прекращения уголовного дела [47].

Приведенный случай явствует о самостоятельности следственных органов и их изолированности от прокурорского влияния. Верховенство внутриведомственного интереса и узкий круг процессуальных возможностей прокурора лишает его возможности повлиять на качество и законность проводимого следствия, чем происходит фактическое отстранение его от

функции уголовного преследования и формулировки предмета судебного разбирательства.

Усугубляет взаимодействие прокурора со следственными органами систематичное игнорирование последними указаний об устранении нарушений закона, влекущих несостоятельное или малоубедительное обвинение, и, как следствие, неудачное предание обвиняемого суду. К примеру, 10.08.2021 г. прокурор ФИО4 вынес представление об устранении нарушений требований УПК РФ, допущенного по данному уголовному делу, в том числе допущенной волокиты. К следователю ФИО7 за допущенную волокиту по уголовному делу 15.08.2021 г. применена мера взыскания в виде выговора. Из материалов уголовного дела следует, что по нему 3 года не проводилось никаких действий: 17.02.2018 г. прокурор ФИО4 отменил постановление о приостановлении предварительного следствия, вынесенное 02.01.2018 г. следователем ФИО7, дал указания о рассмотрении ходатайства потерпевшего о допросе свидетелей, о проведении дополнительного допроса потерпевшего, свидетеля № 1, при этом постановление о возобновлении предварительного следствия вынесено руководителем следственного органа только 19.02.2021 г., а 24.02.2021 г. уголовное дело принято к производству следователем ФИО6. Указания прокурора ФИО4 от 17.02.2018 г. не были выполнены, аналогичные указания даны прокурором при отмене 13.04.2021 г. постановления о приостановлении предварительного следствия. 30.05.2021 г., прокурор ФИО4 указал на неустранение нарушений, отраженных в постановлениях прокурора ФИО4 от 17.02.2018 г. и от 13.04.2021 г. Впоследствии при отмене 12.09.2021 г., 11.11.2021 г., 13.01.2022 г., 22.11.2022 г. постановлений следователей ФИО6 и ФИО7 о приостановлении предварительного следствия руководителями следственных органов также указывалось на невыполнение всех необходимых следственных действий [56]. К сожалению, многочисленные указания прокурора ФИО4 об устранении нарушений следователями ФИО4 и ФИО6 не дали должных результатов в связи с их игнорированием, и, как итог, существенным образом нарушен

принцип разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), права потерпевшего ФИО5, которому назначена компенсация в размере 50000 рублей из бюджета РФ.

Таким образом, появление прокуратуры связано с назреванием необходимости стороннего надзора за деятельностью государственных органов и должностных лиц. Родоначальником прокуратуры является Пётр I, которым введены должности генерал-прокурора (при Сенате) и обер-прокурора (на местах). Реформа 1864 г. усилил роль прокурора во всех сферах общественной жизни, а в уголовно-процессуальной сфере дал право на возбуждение уголовных дел, выступление в суде в качестве государственного обвинителя, а также отказаться от предъявленного обвинения. Великая Октябрьская революция 1917 г. упразднила дореволюционную систему прокуратуры, а спустя 5 лет возникла потребность в беспристрастном и независимом надзоре. В СССР прокурор являлся стражем порядка и закона, обеспечивал и сохранял верховенство социалистического закона, стоял на защите прав и свобод человека и гражданина, обладал правом процессуального руководства за органами предварительного расследования.

1.2 Процессуальная функция и процессуальный статус прокурора в современном уголовном процессе России

Уголовно-процессуальная деятельность выражается в различных формах: расследовании преступления, осуществляемом следователем, дознавателем, и судебным рассмотрением и разрешением дела. Профессор М.С. Строгович определял под отдельными направлениями уголовно-процессуальной деятельности функции соответствующих участников уголовного процесса: «... уголовно-процессуальная деятельность имеет различные виды, отдельные направления, тесно взаимосвязанные, но не совпадающие, не поглощающие друг друга. Эти отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности называются уголовно-

процессуальными функциями. В уголовном процессе существуют три основных уголовно-процессуальных функции: 1) обвинение (уголовное преследование), 2) защита и 3) разрешение дела» [70, с. 188-189]. Профессором П.С. Элькиндром резюмировалось, что уголовно-процессуальная функция определяла роль соответствующего субъекта уголовного процесса «уголовно-процессуальные функции – это определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль ее участников. Вся уголовно-процессуальная деятельность складывается из определенных функций: установления, проверки данных относительно преступления; их расследования; обвинения; защиты; судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела; вспомогательных; побочных» [87, с. 13], а В.А. Лазаревой характеризовалась присущность к каждому субъекту уголовно-процессуальных отношений одной функции, определяющей его роль и формы взаимоотношений с иными участниками: «... каждый субъект выполняет одну функцию, ту, которая соответствует его роли в уголовном процессе и определяет формы взаимодействия с другими субъектами; надзор прокурора за соблюдением законов в ходе предварительного расследования не является его функцией – такой процессуальной функции УПК РФ не предусматривает. Следовательно, прокурорский надзор в уголовном процессе следует рассматривать через анализ тех процессуальных функций, которые предусмотрены законом...» [27, с. 44-45]. Вследствие этого В.А. Лазаревой отождествляются категории «обвинение» и «уголовное преследование», а, подытоживая свою мысль, она пишет, что «... на всех стадиях уголовного процесса прокурор в разных формах реализует только одну функцию – и это функция уголовного преследования» [27, с. 48].

Функция прокурорского уголовного преследования в стадиях досудебного и судебного производства имеет три формы выражения:

- утверждение обвинительного заключения или обвинительного акта (акт обвинительной власти);

- вспомогательные функции, обеспечивающие реализацию уголовного преследования. Как пишет О.В. Воронин, «примером служит участие прокурора в судебном разрешении вопросов, связанных с избранием мер пресечения или обжалованием действий и актов органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Осуществление этих полномочий в полной мере обуславливается основной прокурорской функцией применительно к избоблительной деятельности – его обличением в юридически завершенную форму уголовного преследования. Без указанной функции они не имеют ни юридического, ни фактического смысла и поэтому носят дополнительный и вспомогательный характер» [8, с. 28];
- процессуальное руководство за деятельностью органов дознания. Это, в свою очередь, объясняется упрощенным характером дознания. Здесь прокурор «придаёт упрощенной избоблительной деятельности этих органов окончательную форму уголовного преследования с помощью инициирования, санкционирования (согласия на производство) и самостоятельного осуществления процессуальных и следственных действий, принятия процессуальных решений, касающихся дальнейшей судьбы производства» [8, с. 28].

Прокурор в качестве руководящей фигуры за процессуальной деятельностью следователя перестал восприниматься после реформы 2007 г., когда российский законодатель существенно сузил функцию уголовного преследования, лишив прокурора самостоятельно возбуждать уголовные дела, и наделил органы следствия самостоятельным определением хода расследования [73, с. 72]. Принятие такого решения встретило шквал негативной критики со стороны научного сообщества: профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Л.В. Головкин констатировал о нулевой результативности реформы 2007 г. [11, с. 10]; К.А. Таболина говорит о неразрывной взаимосвязи

прокурорского уголовного преследования и процессуального руководства за следственными органами: «прокурор должен осуществлять процессуальное руководство предварительным следствием, которое является составной частью уголовного преследования, в частности, путем дачи указаний о направлении уголовного преследования» [72, с. 31]; в другом исследовании К.А. Таболина, усмотрев систематическое нарушение прав и свобод граждан на этапе возбуждения уголовного дела, предложила реабилитировать право прокурора на возбуждение уголовных дел. Для обоснования своей позиции К.А. Таболина провела опрос прокурорских работников о необходимости наделения их правом возбуждать уголовные дела – из 257 прокуроров «за» высказались 224 прокурора или 87,16% [74, с. 131]; Е.Л. Никитин пишет, что прокурор лишился статуса «стража порядка и закона», поскольку законодатель ограничил эффективность мер прокурорского реагирования: «любое нарушение уголовного законодательства Российской Федерации, то есть выявление деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, неизбежно влечет за собой необходимость принятия мер прокурорского реагирования (вынесение постановления о возбуждении уголовного дела) и обеспечение осуществления уголовного преследования» [33, с. 55]; У.А. Мусеибов резюмирует, что «... анализ содержания полномочий прокурора в досудебном производстве, предусмотренных ч. 2, 2.1 ст. 37 УПК РФ и в других нормах уголовно-процессуального закона, показывает, что в значительной своей части они не связаны с осуществлением прокурором непосредственно функции уголовного преследования либо функции прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, а являются только средствами процессуального руководства дознанием, в том числе уголовным преследованием, осуществляемым дознавателем» [31, с. 8]; Т.К. Рябинина писала, что «... принимая во внимание, что прокурор ... остается вполне надежным, влиятельным и действенным субъектом в уголовном процессе, являющимся при этом выразителем не только публичных, но и частных

интересов, необходимо констатировать, что результативность его деятельности связана с выполнением им только одной функции – уголовного преследования, которая представляет собой форму прокурорского надзора в сфере уголовного судопроизводства, а руководство предварительным расследованием есть не что иное, как средство организации прокурорской деятельности по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве» [60, с. 23].

Из сказанного следует, что в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорский надзор как элемент функции уголовного преследования выдвигается на первый план и становится практически единственной формой реализации уголовного преследования в стадии предварительного расследования. «Реализуя эту функцию – как на то указывал Ю.П. Синельщиков, – прокурор следит за законностью на стадии возбуждения уголовного дела, обеспечением прав подозреваемых, обвиняемых и потерпевших... Хотя прокурор и может осуществлять уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного процесса, однако такая его деятельность утратила специфику, присущую функции, и поэтому является одной из задач, решаемых в рамках надзора за законностью» [67, с. 10].

Место и роль прокурора вытекают из положений ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УПК РФ, определяющих, что «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

Сужение сферы прокурорского процессуального руководства после реформы 2007 г. оставило в числе поднадзорных органов только органы дознания. Реформаторский подход по исключению из процессуальных

возможностей прокурора «несвойственных» ему функций не коснулся руководящих начал в отношении дознавателя и органа дознания, прокурор по-прежнему может:

- требовать от органов дознания устранения нарушений законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания;
- давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;
- давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;
- разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы;
- отстранять дознавателя от дальнейшего производства по делу при допущении им нарушения требований УПК РФ;
- изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;
- утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу.

Сохранение прокурорского процессуального руководства за органами дознания объясняется следующим:

- множественностью государственных органов, уполномоченных на производство дознания, выполняющих смежные с уголовным преследованием функции;
- низкой уголовно-правовой и уголовно-процессуальной грамотностью дознавателей государственных органов, осуществляющих смежные функции;
- упрощенностью дознания [27, с. 71-72].

Мы выяснили, что уголовное преследование является единственной функцией прокурора в уголовном процессе: «... если в общей

правоохранительной деятельности прокуратуры основным ее направлением является прокурорский надзор, а уголовное преследование – иным направлением деятельности, то в сфере досудебного производства по уголовным делам уголовное преследование становится основным направлением прокурорской деятельности» [1, с. 6]. Однако наблюдается снижение эффективности прокурорского уголовного преследования. Теперь прокурор является периферийным участником стороны обвинения, надзирающим за следователем через «обеспечение надзора за законностью в досудебных стадиях уголовного судопроизводства – это единственная функция прокурора в этой сфере деятельности» [68, с. 14]. Оставление Федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорской функции уголовного преследования в контексте ч. 1 ст. 37 УПК РФ и введение в 2008 г. возможности знакомиться с материалами уголовного дела, находящегося в производстве у следователя, на основании мотивированного письменного запроса (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ) [78] позволяет рассуждать о том, что «в настоящее время прокурор в рамках предварительного следствия лишен реальной возможности осуществлять функцию уголовного преследования» [5, с. 40], и должен просить об ознакомлении с материалами уголовного дела, на основании которых он в рамках судебного разбирательства будет формулировать позицию стороны обвинения. Даже на финальных этапах предварительного расследования отмечается отсутствие прокурорской функции уголовного преследования: «Утверждение прокурором обвинительного заключения или обвинительного акта, на наш взгляд, нельзя рассматривать как конечное выражение уголовного преследования прокуратуры на стадии предварительного расследования. Прокурор, визируя этот процессуальный документ, исходит, прежде всего, из позиций законности и обоснованности действий следователя или дознавателя по уголовному делу. При этом проверке подлежат только процессуальные аспекты, соответствие

УПК РФ всех документов и материалов, собранных в результате следствия и дознания, правильность проведения допросов, законность и допустимость собранных доказательств. Обвинительное заключение или обвинительный акт являются своего рода итогом работы следователя (дознавателя) по уголовному делу и составляются им при условии соблюдения всех требований, необходимых для привлечения к уголовной ответственности (установление события преступления, лица, причастного к его совершению, форм вины, характер и размер вреда, причиненного преступлением и т.д.). Таким образом, в данном случае функция уголовного преследования прокурора, подразумевающая активные и инициативные действия, направленные на изобличение конкретного виновного лица, утрачивает свое первостепенное значение, заложенное в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», и становится частью реализации формализованных прав и обязанностей прокурора как процессуальной фигуры» [69, с. 68].

Безусловно, теперь разногласия между прокурором и следственными органами возникают на любом этапе уголовного преследования. Худшим проявлением противоречивости позиции прокурора и следователя является подготовка дела к судебному рассмотрению, поскольку страдает облик и аргументация стороны обвинения. К примеру, прокурор ФИО10 вернул уголовное дело следователю ФИО2 для пересоставления обвинительного заключения по причине: отсутствие во втором томе описи; отсутствие письменных указаний о принятии уголовного дела к своему производству; отсутствие постановления об установлении срока следствия. 10.09.2020 следователь ФИО2 повторно составил обвинительное заключение и направил его с уголовным делом прокурору, однако в этих материалах также отсутствовали процессуальные документы, на которые указывал помощник прокурора ФИО10. Вопреки проигнорированным требованиям помощника прокурора ФИО10 о устранении нарушений, выявленных в обвинительном заключении, уголовное дело было передано в Сакский районный суд Республик Крым, поскольку меры ФИО10 оказались безрезультативными.

Сакский районный суд Республик Крым по результатам рассмотрения данного уголовного дела вынес приговор в отношении подсудимых ФИО4 и ФИО14, однако государственный обвинитель ФИО11 подал жалобу на это решение, обратив внимание на то, что обвинительное заключение не было надлежащим образом утверждено (отсутствует подпись помощника прокурора ФИО10), а следователем ФИО2 не выполнены указания помощника прокурора ФИО10 от 06.09.2020 г. Изложенное нашло подтверждение в сопроводительном письме прокуратуры Сакского района в СО по г. Саки ГСУ СК РФ по РК, на котором выполнена надпись «ФИО2 пересоставить обвинительное заключение...». Верховный Суд Республики Крым усмотрел игнорирование следователем ФИО2 указаний помощника прокурора ФИО10, вернув уголовное дело для пересоставления обвинительного заключения [36].

Состязательная модель уголовного судопроизводства подразумевает активную вовлечённость участников стороны обвинения и защиты. На досудебных стадиях расследования преступления прокурор защищает права и свободы участников уголовного процесса, позиционируется в глазах граждан как глава «обвинительно-следственной власти», которая, к сожалению, разобщена [30, с. 32], а в ряде случаев позиция следователя и прокурора противоречат друг-другу (например, при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого). Так, как пишет ст. прокурор прокуратуры Забайкальского края г. Чита: «Суд при избрании меры процессуального принуждения зачастую сталкивается с тем, что представители одной стороны уголовного судопроизводства – стороны обвинения (прокурор и следователь) – по данному вопросу не имеют единой позиции. Прокурор лишен возможности возбудить уголовное дело по фактам выявленных им в ходе общенадзорных проверок признаков преступления, а обязан направить материал для решения вопроса следователю. При этом нередки случаи, когда органы предварительного расследования не соглашаются с прокурорами и принимают незаконные решения об отказе в

возбуждении уголовных дел, упуская тем самым время для оперативного проведения процессуальных действий [4, с. 167].

Действительно, действующая процессуальная форма участия прокурора в предварительном расследовании уголовного дела фактически отстраняет его от формулировки предварительного обвинения и возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, на которых он будет строить позицию стороны обвинения на судебных стадиях рассмотрения дела.

Выводы по первой главе бакалаврской работы:

Появление прокуратуры связано с назреванием необходимости стороннего надзора за деятельностью государственных органов и должностных лиц. Родоначальником прокуратуры является Пётр I, которым введены должности генерал-прокурора (при Сенате) и обер-прокурора (на местах). Реформа 1864 г. усилил роль прокурора во всех сферах общественной жизни, а в уголовно-процессуальной сфере дал право на возбуждение уголовных дел, выступление в суде в качестве государственного обвинителя, а также отказаться от предъявленного обвинения. Великая Октябрьская революция 1917 г. упразднила дореволюционную систему прокуратуры, а спустя 5 лет возникла потребность в беспристрастном и независимом надзоре. В СССР прокурор являлся стражем порядка и закона, обеспечивал и сохранял верховенство социалистического закона, стоял на защите прав и свобод человека и гражданина, обладал правом процессуального руководства за органами предварительного расследования.

Действующая процессуальная форма участия прокурора в предварительном расследовании уголовного дела фактически отстраняет его от формулировки предварительного обвинения и возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, на которых он будет строить позицию стороны обвинения на судебных стадиях рассмотрения дела.

Глава 2 Деятельность прокурора как государственного обвинителя в судебном разбирательстве

2.1 Участие прокурора в подготовительной части судебного разбирательства

При отсутствии оснований для проведения предварительного слушания, судья выносит постановление о назначении судебного заседания без назначения предварительного слушания. Предварительное слушание является факультативным, необязательным элементом стадии назначения судебного заседания, и, по мнению Э.К. Кутуева, «проводится по ходатайству стороны или по собственной инициативе суда при необходимости разрешения ряда вопросов, требующих ознакомления с материалами уголовного дела и с мнением сторон, для устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом первой инстанции» [76, с. 361]. Соответственно, предварительное слушание является своеобразным организационным мероприятием, проводимым для формирования надлежащих условий проведения судебного заседания по уголовному делу. Впрочем, прокурор в рамках предварительного слушания может уточнять (изменять) позицию стороны обвинения, через: участие в производстве предварительного слушания, где прокурор вправе: «заявлять и обосновывать ходатайства и отводы (например, ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела, об исключении доказательств и о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причинённого преступлением)» [6, с. 11]; распоряжение обвинением путём: «изменения обвинения в сторону смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ» [6, с. 11].

Рассмотрение уголовного дела в судебном заседании может быть начато не раньше 7 суток, отсчитывая со дня вручения обвиняемому копии

обвинительного заключения (акта), а о месте, дате и времени судебного заседания стороны уведомляются не менее чем за 5 суток до его начала (ч. 4 ст. 231 УПК РФ). На практике имеют место случаи отказа в получении или намеренном уклонении обвиняемого от получения копии обвинительного заключения. Для преодоления такой ситуации российский законодатель определил правило, согласно которому прокурор вправе направить уголовное дело в суд с указанием причин, по которым копия обвинительного заключения не была вручена обвиняемому (ч. 4 ст. 222 УПК РФ). До момента вручения обвиняемому обвинительного заключения (акта) прокурор «должен оценить собранные по уголовному делу доказательства с точки зрения их допустимости, относимости, достоверности и достаточности; продумать тактику их представления в ходе судебного следствия; принять меры по обеспечению явки в суд потерпевших и свидетелей обвинения. В случае выявления недостатков предварительного расследования продумать меры по их устранению в ходе судебного следствия (например, путем допроса свидетелей, в том числе тех, которые не допрашивались в ходе предварительного расследования, оглашения материалов уголовного дела, представления новых доказательств, заявления ходатайств о производстве следственных действий). При этом следует учитывать, что суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе стороны (ч. 4 ст. 271 УПК РФ)» [6, с. 8-9].

До начала судебного заседания орган прокуратуры назначает прокурора для поддержания государственного обвинения. Для успешного представления стороны обвинения прокурор должен обладать высокой аргументационной компетентностью, что предопределяет его конкурентоспособность в стадиях судебного разбирательства. При состязательной модели уголовного судопроизводства такое свойство прокурора означает психологическую готовность не только к конкуренции со стороной защиты: «(...) Нельзя допускать в суд людей, обвиняющих от имени государства, если они не

способны к конкуренции в нормальном состязании (...) Способность убеждать и добиваться солидарности суда со своим мнением – необходимо качество государственного обвинителя» [35, с. 22-23]. Действительно, харизматичность и профессиональная компетентность прокурора, представляющего государственное обвинение, являются предопределяющими факторами успешной обвинительной деятельности в стадиях судебного разбирательства. Именно прокурору самостоятельно предстоит определить: «каким образом, при помощи каких тактических приемов будут им изучаться материалы дела; представляется, что эту работу следует организовать таким образом, чтобы государственный обвинитель изучил не только основные процессуальные документы, но и ознакомился со всеми без исключения документами и объектами, формирующими уголовное дело» [15, с. 250].

С подготовительной части начинается судебное разбирательство по делу. В назначенное место, время и дату председательствующий открывает судебное заседание, информирует участников, какой суд будет слушать дело, оглашает полное наименование суда, сообщает об фамилии, имени и отчестве подсудимого, пункте, части и статье УК РФ, по которому он обвиняется. Секретарь судебного заседания предварительно проверяет явку лиц, чье участие в судебном заседании является обязательным, сообщает о причинах (уважительных и неуважительных) неявки отсутствующих лиц, а в процессе судебного разбирательства – ведет протокол судебного заседания (ст. 245 УПК РФ). Отслеживание явки лиц в судебное заседание имеет важное значение, поскольку это может внести корректировку в его план по представлению доказательств и допросу свидетелей (потерпевших). Так, неявка без уважительной причины подсудимого является основанием для принятия прокурором решения о подаче в суд ходатайства об отложении судебного разбирательства и одновременной организации розыскных мероприятий с изменением ранее избранной меры пресечения на заключение под стражу.

Подготовительные мероприятия включают и решение судом вопроса об участии переводчика. Переводчику разъясняются права, берётся подписка,

которая приобщается к протоколу судебного заседания. Лицам, не владеющим языком судопроизводства или языком, на котором высказывается кто-либо из участвующих, предоставляется перевод без ограничений в полноте и объёме. Кроме того, судья при необходимости может привлечь к участию эксперта и специалиста. В этом аспекте прокурору необходимо внимательно наблюдать за разъяснением прав участникам судебного разбирательства, отслеживать за их действиями, которые они обязаны или вправе выполнять в подготовительной части судебного разбирательства.

При поступлении от сторон ходатайств об отводе участников судебного разбирательства, судья рассматривает их и выносятся соответствующие решения. Прокурор вправе выражать по ним своё мнение с обоснованием на фактических обстоятельствах дела и нормах УПК РФ.

Прокурор в рамках подготовительной части судебного разбирательства вправе ходатайствовать:

- о вызове новых свидетелей, экспертов (специалистов);
- об истребовании вещественных доказательств и документов;
- об исключении доказательств, полученных в нарушение требований УПК РФ.

Н.В. Буланова расширяет предложенный список правом прокурора ходатайствовать:

- «о предоставлении ему возможности дополнительно ознакомиться с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 227 УПК РФ);
- о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества, если таковые не были приняты в ходе предварительного расследования (ст. 230 УПК РФ);
- об избрании меры пресечения в виде залога, домашнего ареста или заключения под стражу либо о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей (ч. 2 ст. 228 УПК РФ);

- о проведении предварительного слушания (ст. 229 УПК РФ)» [6, с. 9].

Отказ суда в удовлетворении любого ходатайства прокурора не лишает его права подать аналогичное ходатайство в последующих стадиях судебного разбирательства. Так, как советует О.Н. Коршунова, требуется «обращать внимание на следующее положение ч. 3 ст. 271 УПК РФ о том, что если суд отказывает кому-либо в удовлетворении ходатайства, то это не ограничивает права данного лица, в том числе и обвинителя, заявить его в дальнейшем в зависимости от хода судебного разбирательства. Это положение дает возможность прокурора продолжать проводить свою линию, решать поставленные тактические задачи, но, разумеется, не «из принципа» (должностного апломба), а исходя из необходимости реализации ходатайства в интересах дела» [25, с. 56-57].

В том случае, если ходатайство подаётся стороной защитой, то прокурору рекомендуется знакомиться с их содержанием, представлять возражения, для чего может запросить у суда об объявлении перерыва или отложении судебного заседания, если потребуется дополнительное время. Для подтверждения своей позиции прокурор по-прежнему может подать ходатайство о приобщении доказательств, истребовании документов, вызове и допросе свидетелей, иных лиц, которые могут опровергнуть сведения, представляемые стороной защиты.

На основании ст. 272 УПК РФ прокурор может изложить суду свою позицию о возможности продолжения судебного разбирательства в отсутствие некоторых лиц. При неявке свидетеля или иного лица, чьи показания могут убедить суд в виновности подсудимого, прокурору требуется настоять об отложении судебного заседания и решить вопрос об обеспечении явки неявившихся лиц (например, путём применения привода), либо, напротив, продолжить судебное разбирательство, изменив тактику поддержания государственного обвинения.

Таким образом, сформулированный органами предварительного расследования и прокурором обвинение становится предметом судебного разбирательства (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). К сожалению, необходимо констатировать, что сохранение действующей модели взаимодействия прокурора со следственными органами лишь усиливает декларативное отношение к прокурору как главе стороны обвинения, а также отстраняет его от формулировки обвинения, определяющего в последующем предмет судебного разбирательства.

2.2 Участие прокурора в судебном следствии

Формой реализации функции прокурорского уголовного преследования является поддержание государственного обвинения в ходе судебного производства, в частности судебного следствия (ч. 3 ст. 37 УПК РФ и ч. 2 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Как пишет Ю.Е. Винокуров, «исключительно важное значение имеет активное участие прокурора в судебном следствии. Значимость участия прокурора на этом этапе судопроизводства повышается в связи с введением в последние годы новых форм судопроизводства, а именно суда присяжных, при котором бремя доказывания полностью возлагается на сторону обвинения. В процессе судебного следствия прокурор обязан представить объективно и полно исследовать все доказательства, на основании которых подсудимому предъявлено обвинение. При этом прокурор определяет порядок исследования доказательств в суде, очередности допроса подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертов; участвует в осмотре вещественных доказательств, местности и помещений и т.п. На основании исследования всех этих доказательств прокурор должен убедиться в их достаточности для вынесения подсудимому обвинительного приговора. В противном случае прокурор в конце судебного следствия должен заявить ходатайство о дополнении судебного следствия, в котором указать, какие доказательства необходимо

дополнительно исследовать в судебном заседании. При этом прокурор указывает на доказательства, уже бывшие предметом судебного исследования, либо новые доказательства, которые судом еще не исследовались» [54, с. 306].

Дадим следующую оценку высказыванию Ю.Е. Винокурова об роли прокурора в рамках судебного следствия:

- действительно, прокурор выполняет важную задачу, отстаивая государственное обвинение в рамках судебного следствия. Подтверждают нашу мысль С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус, которыми определяется начало судебного следствия «... с изложения гособвинителем предъявленного подсудимому обвинения (ч. 1 ст. 273 УПК РФ). Для того чтобы не отступить от формулировки обвинения и не исказить его существо, чаще всего оглашаются соответствующие положения, содержащиеся в обвинительном заключении (акте, постановлении). В случаях большого объёма обвинительного заключения гособвинитель в произвольной, но понятной для всех участников судебного разбирательства форме излагает существо обвинения (место, время, способ, форма вины, мотив, цель, последствия и другие обстоятельства совершения преступления); сообщает, каким законом квалифицировано это деяние; указывает на доказательства, которые подлежат исследованию в судебном заседании. Если подсудимый заявит о том, что обвинение ему непонятно полностью или в какой-то части, то по предложению председательствующего гособвинитель разъясняет подсудимому обвинение (в полном объеме или в части)» [32, с. 152];
- порядок исследования доказательств устанавливает сторона, представлявшая такие доказательства. Согласимся, что прокурор определяет такой порядок, поскольку он начинает процесс по представлению и исследованию доказательств в суде (ч. 2 ст. 274 УПК РФ);

- прокурор может ходатайствовать о допросе подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертов (ч. 1 ст. 271 УПК РФ);
- прокурор вправе участвовать в исследовании вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ);
- недостаточность обвинительных доказательств, а равно юридическая ошибка (например, вызванная в неправильном истолковании положений закона), вызывает у прокурора сомнение в доказанности вины подсудимого, что влечёт возможность реализации полномочия на полный или частичный отказ от государственного обвинения. Так, например, государственный обвинитель заместитель Кинельского межрайонного прокурора Самарской области ФИО4 отказался от предъявленного обвинения в части незаконного приобретения огнестрельного оружия, поскольку усмотрел, что позицией Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» объясняется, что создание огнестрельного оружия – это его изготовление. Руководствуясь такой мыслью, изготовлением не является приобретение огнестрельного оружия, что исключает дополнительную квалификацию по ст. 222 УК РФ [46];
- по завершению судебного следствия прокурор вправе ходатайствовать о его продлении. Дополним изложенную мысль тем, что УПК РФ допускает возобновление судебного следствия после прений сторон или дачи подсудимым последнего слова (ст. 294 УПК РФ). Так, государственный обвинитель помощник прокурора Центрального АО г. Омска ФИО3 после прений сторон ходатайствовал о возобновлении судебного следствия с целью осмотра сотового телефона ФИО6, изъятого в ходе его личного досмотра, где может содержаться информация, обладающая

значением для расследования уголовного дела. При осмотре выяснено, что в приложении «Галерея» находилась фотография от 17.03.2023 г., где место в сугробе указано стрелочкой; в мессенджере «Телеграмм» имелся контакт «Настюшка», при открытии которого 19.03.2023 г. «Настяюшка» уведомила ФИО6, что она придёт за «кладом»; 26.03.2023 г. в мессенджере «Телеграмм» пользователь «Контакт» спрашивал ФИО6: «Тебе 30 или ещё надо?»; 27.03.2023 г. в мессенджере «Телеграмм» ФИО6 интересовался у пользователя «Контакт»: «Работаем сегодня?», на что тот ответил «Я сегодня с Настей списался, чтоб ещё взять»; 26.03.2023 г. в мессенджере «Телеграмм» пользователь «Контакт» сообщил ФИО6, что «4 адреса сделал, осталась 30-тка». Кроме того, у ФИО6 в приложениях «Телеграмм» и «WhatsApp» имеется интернет-магазин <данные изъяты>, куда она устроилась за денежное вознаграждение «работать» курьером-закладчиком наркотических средств. В приложении «Телеграмм» у ФИО6 в чате с пользователем «Настюшка» имеется переписка от 24.04.2023 г., где указано «МЁД» ценой 2400 рублей за 0,2 гр., «героин» - правый – левый берег, надежные клады». В приложении «ВКонтакте» 27.03.2023 г. контакт «Анастасия» написала ФИО6 следующее: «Макс скидывает ЦАО – 31 шт.». Приведенные результаты осмотра телефона ФИО6 говорят об незаконном сбыте наркотических средств с помощью сети «Интернет», а также наличии предварительного сговора с неустановленным лицом [48].

Обобщая деятельность государственного обвинителя в рамках судебного следствия, можно выявить следующие направления:

- «изложение предъявленного подсудимому обвинения;
- представление суду доказательств виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления;

- заявление ходатайств о производстве следственных действий, вызове и допросе свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов, исследовании доказательств и их приобщении к материалам уголовного дела;
- участие в судебных следственных действиях и исследовании доказательств;
- выражение мнения по заявленным ходатайствам других участников процесса и иным вопросам, возникающим в ходе судебного следствия» [6, с. 15].

Судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения. «В нормах уголовно-процессуального законодательства не предусмотрен конкретный объем изложения обвинителем предъявленного обвинения. Выступление государственного обвинителя не предполагает дословного зачитывания обвинительного заключения или обвинительного акта. Предполагается, что прокурор укажет, в совершении каких конкретно действий подсудимый обвиняется и как квалифицировано это деяние (пункт, часть, статья УК РФ). Если по делу несколько подсудимых обвиняются в совершении одного и того же преступления, государственный обвинитель может не повторять фактические обстоятельства преступления в отношении каждого из них» [65, с. 23-24].

Таким образом, на этапе судебного следствия прокурор как государственный обвинитель может определять порядок исследования представляемых доказательств, очерёдность допроса подсудимых, потерпевших, иных лиц, участвовать в осмотре вещественных доказательств.

2.3 Участие прокурора в судебных прениях

Прения сторон – это обособленный этап судебного разбирательства, где обвинитель и защитник высказывают своё отношение к предъявленному

обвинению (ч. 1 ст. 292 УПК РФ). Определение последовательности выступления сторон находится во власти судьи (ч. 3 ст. 292 УПК РФ), впрочем, «первым в прениях всегда выступает государственный обвинитель, а последними – подсудимый и его защитник. Последовательность выступлений других участников прений определяет суд. Гражданский ответчик и его представитель выступают в прениях после гражданского истца и его представителя. Законодатель устанавливает определенные требования к содержанию выступлений участников. Так, они не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или были признаны судом недопустимыми. Продолжительность выступлений временными рамками не ограничивается, однако председательствующий вправе останавливать участвующих в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому уголовному делу, а также доказательств, признанных недопустимыми» [65, с. 32].

В рамках прений сторон государственный обвинитель выступает с обвинительной речью.

Обвинительная речь государственного обвинителя структурно состоит из:

- вступительной части;
- основной части, где описывается фабула преступления, анализируются и оцениваются собранные по делу доказательства, обосновывается квалификация содеянного, и содержатся другие сведения;
- заключительной части [82, с. 194].

На наполнение обвинительной речи и её продолжительность воздействует множество факторов, в числе которых:

- «особенности дела, характер имеющихся доказательств и их источники;
- число подсудимых, их личность и позиция к предъявленному обвинению;

- вид совершенного преступления, объем предъявленного обвинения;
- качество проведенного предварительного расследования;
- позиция стороны защиты и степень ее активности;
- состав суда и место рассмотрения уголовного дела» [6, с. 20].

В уголовно-процессуальной науке к составлению обвинительной речи выработано несколько рекомендаций к подаче информации. Так, «для успеха выступления государственному обвинителю нужно не только хорошо знать содержательно-правовую составляющую дела, но также отчётливо понимать, для кого и зачем произносится речь. Кто является адресатом речи государственного обвинителя? Какова цель речи и назначение судебного процесса в целом? В итоге государственный обвинитель должен в каждом отдельном случае решить вопрос, какой речевой портрет он сегодня должен выстроить» [61, с. 22]. Применительно к содержанию обвинительной речи рекомендовано отражать следующие сведения:

- «оценку общественной опасности совершенного преступления;
- изложение фактических обстоятельств его совершения;
- анализ и оценку исследованных в суде доказательств и их источников;
- обоснование юридической формулировки и правовой квалификации содеянного;
- характеристику личности подсудимого;
- обоснование выводов и решений по делу;
- анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, и предложения по их устранению;
- определение судьбы вещественных доказательств» [20, с. 128-129].

За государственным обвинителем предусмотрено право на предложение вариантов решения вопросов, указанных в п. п. 1-6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, адресованных суду в письменной форме, а именно:

- «доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;
- доказано ли, что деяние совершил подсудимый;
- является ли это деяние преступлением и каким пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено;
- виновен ли подсудимый в совершении этого преступления;
- подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление;
- имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание» [65, с. 32].

При формировании позиции государственного обвинителя относительно вида и размера наказания ему следует «руководствоваться требованиями закона о его соразмерности и справедливости, учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, а также смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. При наличии оснований необходимо предлагать суду назначить дополнительное наказание, применить конфискацию имущества, удовлетворить иски о возмещении материального ущерба и морального вреда, в установленных законом случаях следует предложить вынести частное определение (постановление). После окончания прений сторон председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово, и право подсудимого на произнесение последнего слова не зависит от того, выступал ли он в прениях или нет. Никакие вопросы к подсудимому во время произнесения последнего слова не допускаются. Подсудимый сам решает, как долго и что именно ему говорить, УПК РФ не устанавливает ни характер, ни форму, ни продолжительность последнего слова. Однако если председательствующий посчитает, что подсудимый говорит об обстоятельствах, которые не имеют никакого отношения к рассматриваемому уголовному делу, он вправе остановить подсудимого» [65, с. 33].

После судебных прений и последнего слова подсудимого суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора (ст. 295 УПК РФ). Для выполнения ведомственных правил, государственный обвинитель обязан «об оглашении судом вводной и резолютивной части приговора или иного решения, вынесенного по результатам судебного разбирательства, не позднее дня, следующего за днем провозглашения судебного решения, кратким рапортом докладывать о нем прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение. В этом рапорте отражать предварительное мнение о наличии перспективы апелляционного пересмотра уголовного дела. Не позднее дня, следующего за днем вручения копии итогового судебного решения, докладывать подробным рапортом, содержащим окончательное заключение о его законности и обоснованности с мотивированным мнением относительно наличия оснований для принесения апелляционного представления» (п. 3.10 Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства») [50].

Таким образом, прения сторон – это этап судебного разбирательства, предполагающий диалог между стороной обвинения, защиты и судом. В рамках прений сторон государственный обвинитель выступает с обвинительной речью, состоящей из вступительной части, основной части, где описывается фабула преступления, анализируются и оцениваются собранные по делу доказательства, обосновывается квалификация содеянного, и содержатся другие сведения, заключительной части.

2.4 Отказ прокурора от государственного обвинения и его последствия

Если государственный обвинитель сомневается в доказанности вины подсудимого, а равно его причастности к расследуемому преступлению или отдельному преступному эпизоду, закон предоставляет государственному

обвинителю право на частичный или полный отказ от предъявленного обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Презумпция невиновности гласит, что все неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). Верховный Суд РФ ещё в 2016 г. дал разъяснения, что «в силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.), толкуются в пользу подсудимого» [42]. Развивая изложенную мысль, прокурор, выступая государственным обвинителем, по-прежнему является субъектом обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Основаниями для принятия государственным обвинителем решения об отказе от предъявленного обвинения признаются:

- внутренняя убежденность (субъективное основание);
- недостаточность обвинительных доказательств (объективное основание).

Принятие решения об отказе от государственного обвинения является переломным прокурорским актом, влекущим реабилитацию подсудимого (п. 2 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), и обязательным для выполнения судом. Так, как указывается в п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: «... полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа

состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем. Вместе с тем государственный обвинитель в соответствии с требованиями закона должен изложить суду мотивы полного или частичного отказа от обвинения равно как и изменения обвинения в сторону смягчения со ссылкой на предусмотренные законом основания» [43]. Заметим, что изменение обвинения после предания обвиняемого суду разрешается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ч. 2 ст. 252 УПК РФ). Как пишет Н.В. Савельева, «сказанное означает, что суд не вправе в ходе судебного разбирательства возбудить уголовное дело в отношении нового лица или по новому обвинению, даже если в ходе судебного разбирательства это будет установлено. В случае если обвинение, предъявленное на предварительном расследовании не подтвердится в суде, должен вынести оправдательный приговор. Раньше до закрепления принципа состязательности сторон, у суда были полномочия возбудить уголовное дело по новому обвинению, или в отношении нового лица, в соответствии со ст. 255, 256 УПК РСФСР» [62, с. 21].

Приведенная выдержка из акта-разъяснения Пленума Верховного Суда РФ встретила критику в научной среде, поскольку ряд авторов усматривает пренебрежительное отношение к принципу независимости судебной власти при обязательной силе прокурорского решения об отказе от предъявленного обвинения. Так, по мнению М.Е. Пучковской, здесь не учитывается статус суда и внутреннее убеждение судьи, на основании которых выносятся итоговое решение по уголовному делу [55, с. 24], а В.В. Рыбанова считает, что «... таким образом суд вместо своей функции по разрешению дела, лишь выполняет волю стороны обвинения, лишая потерпевшего права на правосудие. На суд накладывается обязанность по вынесению постановления или определения о прекращении уголовного дела и уголовного преследования по основаниям, указанным государственным обвинителем, даже в случае, если он сам с такими основаниями не согласен» [59, с. 217]. По нашему суждению

институт отказа государственного обвинителя от обвинения является реализацией гарантии обеспечения презумпции невиновности, поэтому допускается его обязательный характер.

Необходимо признать несовершенство действующей системы правового регулирования института отказа государственного обвинителя от обвинения, т.к. буквальный анализ и сопоставление ч. 7 ст. 246 УПК РФ с п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, отсылающей к положениям п. п. 1-6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, противоречит основам логики по причине наличия нескольких формальных оснований для прекращения уголовного дела, не связанных с внутренней убежденностью государственного обвинителя и достаточностью обвинительных доказательств (к примеру, истечение сроков давности уголовного преследования).

Отказ государственного обвинителя от предъявленного подсудимому обвинения по формальным основаниям, влекущим к прекращению уголовного дела, нарушает ч. 7 ст. 246 УПК РФ, т.к. проблема не в недостаточности обвинительных доказательств, а в независимых от государственного обвинителя обстоятельствах. Использование данного инструмента государственным обвинителем при наличии п. п. 3-6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не приемлема.

К сегодняшнему дню уже сформирована такая противоречивая судебно-следственная практика:

- государственный обвинитель ст. помощник прокурора Фрунзенского района г. Санкт-Петербург Л.П.Г. в судебном заседании инициировал отказ от предъявленного в отношении Г.А.А. обвинения по причине истечения срока давности уголовного преследования. Постановлением Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербург от 21.07.2020 г. уголовное дело в отношении Г.А.А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.4 УК РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекращено [39];

- государственный обвинитель помощник прокурора Центрального АО г. Омска У.А.К., посчитав возможным прекращение уголовного дела в отношении подсудимой И.Д.Н. по шести преступлениям, предусмотренным по ч. 1 ст. 159 УК РФ, и одному преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 159.3 УК РФ по причине истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, отказался от обвинения в этой части. Постановлением Центрального районного суда г. Омска Омской области уголовное дело в отношении И.Д.Н. по шести преступлениям, предусмотренным по ч. 1 ст. 159 УК РФ, и одному преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 159.3 УК РФ прекращено по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [45];
- государственный обвинитель П.В.А. отказался от обвинения по причине того, что действия ФИО1, сформировавшие состав преступления по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, где стоимость спиртосодержащей пищевой продукции в размере 174 640 руб., что соответствует крупному размеру, перестали нести общественную опасность в связи с истечением сроков давности: 21.01.2021 г. в 16:30 ФИО1 лично осуществлял перевозку незаконно приобретенной спиртосодержащей продукции к месту хранения и в целях материального обогащения из приобретённой партии, находившейся в автомобиле «ISUZU ELF», незаконно сбыв 44 полимерные бутылки объёмом 5 литров каждый, а всего 220 литров спиртосодержащей продукции своему знакомому ФИО2, не состоящему с ним в преступном сговоре, после чего был задержан сотрудниками 8 отдела УЭБиПК ГУ МВД России по Красноярскому краю при проведении ОРМ. Действия ФИО1 квалифицированы по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, которая предельный срок лишения свободы в размере 3-х лет (преступление небольшой тяжести), что влечёт двухлетний срок давности (п. 1 ч. 1 ст. 78 УПК РФ) [41].

Руководствуясь вышеизложенным, представляется необходимым дополнить п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснениями о недействительности отказа государственного обвинителя от обвинения при наступлении обстоятельств, предусмотренных п. п. 3-6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.к. они не зависят от количества и качества собранных стороной обвинения доказательств, подтверждающих виновность подсудимого. Государственному обвинителю при отказе от обвинения допускается пользоваться лишь тремя основаниями: п. п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Выводы по второй главе бакалаврской работы:

Сформулированный органами предварительного расследования и прокурором обвинение становится предметом судебного разбирательства (ч. 1 ст. 252 УПК РФ).

К сожалению, необходимо констатировать, что сохранение действующей модели взаимодействия прокурора со следственными органами лишь усиливает декларативное отношение к прокурору как главе стороны обвинения, а также отстраняет его от формулировки обвинения, определяющего в последующем предмет судебного разбирательства.

На этапе судебного следствия прокурор как государственный обвинитель может определять порядок исследования представляемых доказательств, очерёдность допроса подсудимых, потерпевших, иных лиц, участвовать в осмотре вещественных доказательств.

Прения сторон – это этап судебного разбирательства, предполагающий диалог между стороной обвинения, защиты и судом.

В рамках прений сторон государственный обвинитель выступает с обвинительной речью, состоящей из вступительной части, основной части, где описывается фабула преступления, анализируются и оцениваются собранные по делу доказательства, обосновывается квалификация содеянного, и содержатся другие сведения, заключительной части.

Если государственный обвинитель сомневается в доказанности вины подсудимого, а равно его причастности к расследуемому преступлению или отдельному преступному эпизоду, закон предоставляет государственному обвинителю право на частичный или полный отказ от предъявленного обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Представляется необходимым дополнить п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснениями о недействительности отказа государственного обвинителя от обвинения при наступлении обстоятельств, предусмотренных пп. 3 – 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.к. они не зависят от количества и качества собранных стороной обвинения доказательств, подтверждающих виновность подсудимого. Государственному обвинителю при отказе от обвинения допускается пользоваться лишь тремя основаниями: п. п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Глава 3 Проблемы участия прокурора в судебном разбирательстве и предложения по их разрешению

Ещё в 2003 г. отставным прокурорским сотрудником и действующим доктором юридических наук Н.П. Кирилловой усматривалось, что «незнание или слабое знание материалов уголовного дела является причиной пассивной роли государственного обвинителя в судебном разбирательстве уголовного дела, что, в свою очередь, исключает его реальное влияние на ход и результат судебного процесса. В условиях состязательного судебного разбирательства суд не вправе компенсировать недостаток активности государственного обвинителя, поскольку предоставленные ему для установления обстоятельств дела процессуальные средства весьма ограничены» [20, с. 45].

Генеральная прокуратура РФ в приказе от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» акцентирует важность поддержания государственного обвинения: «Заместителям Генерального прокурора Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской Федерации, городов, районов, приравненным к ним военным и иным специализированным прокурорам участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства считать одной из важнейших функций прокуратуры». Впрочем, ни в положениях Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ни в нормах УПК РФ не определяется порядок избрания и назначения прокурора на роль государственного обвинителя. Из опыта практикующих прокуроров можно выявить, что государственное обвинение поддерживают, как правило, помощники прокуроров, которым за короткий промежуток времени требуется изучить вверенное уголовное дело, подготовить убедительную обвинительную речь и тактику поддержания государственного обвинения. В действительности помощник прокурора проявляет процессуальную пассивность, вызванную недостаточным временем подготовки, низкой осведомленностью о процессе произведенного расследования, а также небольшим практическим опытом

работы в органах прокуратуры. Сохранение изложенной тенденции приводит к малозначительной роли прокурора в судебных стадиях расследования уголовного дела. Ощутимый вклад в исследование данного вопроса вносит социологический опрос, проведенный В.А. Лазаревой среди прокуроров, не занимавшихся непосредственным уголовным преследованием и надзором по представляемым уголовным делам, которые в последующем представляли государственное обвинение по таким делам. В.А. Лазаревой формулируется негативный вывод, а именно мировые судья единогласно признали безрезультативным участие государственных обвинителей, т.к. с их стороны наблюдалась частая процессуальная пассивность, ограничивающаяся формулировками из обвинительного заключения, а федеральные судьи районного уровня – в 70% случаях наблюдали процессуальную пассивность прокуроров [28, с. 45]. Подтверждает исследование В.А. Лазаревой опрос, проведенный Н.П. Кирилловой, где 72% опрошенных прокуроров указали, что подготавливают обвинительное заключение в ходе судебного заседания, а 55% – в перерывах. Такое положение явствует о невозможности подготовки качественной и мотивированной речи для поддержания государственного обвинения [19, с. 37].

Одним из доступных решений обозначенной проблемы может стать конкретизация Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» через интерпретацию срока, указанного в ч. 4 ст. 231 УПК РФ, – не менее 5 суток до начала судебного заседания.

Из приведенного следует, что абз. 2 п. 1.4 Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» рекомендуется переформулировать следующим образом:

«Назначать государственных обвинителей не менее чем за 5 суток до начала судебного заседания, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству».

Реформы 2007-2011 гг. в значительной степени снизили участие прокурора в формулировке обвинения и формировании доказательственной базы при взаимодействии с органами, осуществляющими предварительное следствие, и, ввиду этого, его роль в определении предмета судебного разбирательства. Нововведениям одним из первых дал свою оценку бывший Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка: во всём мире прокурор может давать следователю обязательные к выполнению указания, что подтверждает фактическое главенство стороны обвинения. А в российском уголовном процессе прокурор лишь формально возглавляет обвинительно-следственную власть [12]. Теперь внутриведомственные интересы следователя и руководителя следственного органа позволяют формально выполнять требования прокурора, касающиеся устранения нарушений закона (ч. 2 ст. 21 и п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), а также связанных с координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Приведем следующие примеры:

- в апелляционном представлении помощник прокурора Карасунского округа г. Краснодара Л.В.Э. отмечает, что постановлением Советского районного суда г. Краснодара от 29.01.2019 г. сделан преждевременный вывод об отсутствии в действиях В.М.Л. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, т.к. на момент подачи апелляционного представления следователем не выполнены указания прокурора по устранению всех неисследованных обстоятельств по делу, без учёта которых нельзя сделать однозначный вывод о наличии или об отсутствии состава преступления в действиях В.М.Л. Помощник прокурора Карасунского округа г. Краснодара Л.В.Э. отметил игнорирование следователем его указаний, намеренное затягивание срока расследования данного дела, что непосредственно нарушает положения ст. 6.1 УПК РФ. При рассмотрении названного

представления Краснодарский краевой суд согласился с доводами помощника прокурора Карасунского округа г. Краснодара Л.В.Э., т.к. суд первой инстанции не усмотрел явное игнорирование следователем указаний прокурора [38];

- в ходе дополнительного расследования следователем СО УФСБ России по <данные изъяты> ФИО2 не выполнены указания прокурора, данные им в порядке п. 15 ч. 2 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, что является грубым нарушением УПК РФ. При рассмотрении данного уголовного дела в Советском районном суде г. Красноярска Красноярского края председателем суда установлено игнорирование следователем СО УФСБ России по <данные изъяты> ФИО2 указаний зампрокурора ФИО1 по производству доследования и устранению нарушений УПК РФ, что послужило основанием для повторного возврата уголовного дела прокурору для устранения препятствий рассмотрения дела судом [44];
- 19.04.2018 г. в Ломоносовский районный суд Ленинградской области поступила жалоба от адвоката Т.С.А. в защиту интересов Г.Е.В. в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие следователей СО ОМВД России по Ломоносовскому району Ленинградской области, допущенное в рамках проверки по материалу КУСП № ДД.ММ.ГГГГ, выразившееся в невыполнении следователями указаний прокурора о необходимости проведения ряда дополнительных процессуальных и следственных действий, а также в не уведомлении Г.Е.С. о принятом по результатам дополнительной проверки решении. Адвокат Т.С.А. в жалобе поясняет, что бездействие следователей СО ОМВД России по Ломоносовскому району Ленинградской области заключается в невыполнении указаний прокуратуры Ломоносовского района Ленинградской области, изложенных в постановлениях зампрокурора Ломоносовского района Ленинградской области от 30.06.2017 г. и от

07.02.2018 г. об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и о возвращении материалов для проведения дополнительной проверки, что нарушает право Г.Е.С. на доступ к правосудию и судебную защиту его прав, свобод и законных интересов, а также говорит о пренебрежении принципом разумного срока уголовного судопроизводства. Постановлением Ломоносовского районного суда Ленинградской области жалоба адвоката Т.С.А. неудовлетворена, на что была подана жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ. По результатам апелляционного производства в Ленинградском областном суде было установлено игнорирование указаний зампрокурора Ломоносовского района Ленинградской области от 30.06.2017 г. и от 07.02.2018 г., что грубо нарушает требования УПК РФ. На основании сказанного, постановление Ломоносовского районного суда Ленинградской области было отменено, а жалоба направлена на новое судебное рассмотрение [40].

Из изложенного следует, что реформы 2007 – 2011 гг. не только сузили процессуальную самостоятельность прокурора в отношении следственных органов, но и подорвали его авторитет в глазах участников уголовного процесса. Для стабилизации сложившейся ситуации издан Приказ Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», которым прокурорам разъяснен механизм устранения формального подхода к выполнению следователем его указаний [49]. Теперь прокурор вправе принимать соответствующую меру прокурорского реагирования. Представляется, что такой подход лишь подчёркивает отсутствие влияния прокурора на следователя: прокурору потребуется два и более раза потребовать устранения выявленных нарушений федерального закона, что при любом раскладе попирает принцип разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Для подтверждения сказанного приведем

следующие примеры: постановления следователя СО ОМВД России по Читинскому району ФИО8 и дознавателя ОД ОМВД России по Читинскому району ФИО28 о приостановлении дознания и предварительного следствия отменялись заместителем прокурора Читинского района В.М.Г. 5 раз; указания В.М.Г. систематически упомянутыми лицами не выполнялись либо выполнялись частично (с 06.11.2019 г. по 05.12.2019 г., с 09.07.2020 г. по 08.08.2020, с 30.11.2020 г. по 29.12.2020 г. ни одного следственного действия по уголовному делу не было осуществлено; с 20.07.2019 г. по 25.08.2019 г. следователем ФИО8 было выполнено только одно поручение; с 09.09.2019 г. по 08.10.2019 г. следователем ФИО8 были приобщены документы к материалам уголовного дела по ходатайству потерпевшего); 13 раз отказывалось в возбуждении уголовного дела по различным причинам (отсутствие события преступления, недостаточность доказательств и пр.), которые отменялись прокурором; 12 раз приостанавливалось предварительное расследование, которое возобновлялось на основании постановления прокурора [58]. В практике Верховного Суда Республики Крым обнаруживается уголовное дело № 2014307050, находившееся в производстве ОМВД России по Симферопольскому району с 03.06.2014 г. Данный суд констатировал грубейшее нарушение принципа разумного срока досудебного производства, т.к. постановления о возбуждении указанного уголовного дела 18 раз приостанавливалось и 10 раз возобновлялось постановлением прокурора; следователями 7 раз принималось решение о прекращении уголовного дела № 2014307050 по причине истечения срока давности уголовного преследования, которое 5 раз отменялось прокурором и 2 раза вышестоящими должностными лицами органов следствия [57].

Вышеприведенный случай лишает подтверждает тезис, что действующая модель взаимодействия прокурора и следователя явствует о самостоятельности следственных органов и их изолированности от прокурорского влияния. Верховенство внутриведомственного интереса и узкий круг процессуальных возможностей прокурора лишает его возможности

повлиять на качество и законность проводимого следствия, чем происходит фактическое отстранение его от функции уголовного преследования и формулировки предмета судебного разбирательства. Преодолеть изложенную проблему позволит одобрение Законопроекта № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)», который отстаивается некоторыми депутатами Государственной Думы РФ (например, Г.А. Зюгановым, Н.В. Коломейцевым, И.И. Мельниковым, Ю.П. Синельщиковым и А.А. Пономаревым) [51].

Выводы по третьей главе бакалаврской работы:

Ни в положениях Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ни в нормах УПК РФ не определяется порядок избрания и назначения прокурора на роль государственного обвинителя. Из опыта практикующих прокуроров можно выявить, что государственное обвинение поддерживают, как правило, помощники прокуроров, которым за короткий промежуток времени требуется изучить вверенное уголовное дело, подготовить убедительную обвинительную речь и тактику поддержания государственного обвинения. В действительности помощник прокурора проявляет процессуальную пассивность, вызванную недостаточным временем подготовки, низкой осведомленностью о процессе произведенного расследования, а также небольшим практическим опытом работы в органах прокуратуры. Сохранение изложенной тенденции приводит к малозначительной роли прокурора в судебных стадиях расследования уголовного дела. Из приведенных в настоящей работе социологических опросов явствует безрезультативность участия государственных обвинителей в мировых и районных судах, т.к. их стороны наблюдается частая процессуальная пассивность, ограничивающаяся формулировками из обвинительного заключения. Одним из доступных решений представляется редактирование абзаца 2 п. 1.4 Приказа Генпрокуратуры России «Об участии

прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» через введение в оборот следующего правила:

«Назначать государственных обвинителей не менее чем за 5 суток до начала судебного заседания, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству».

Реформы 2007-2011 гг. в значительной степени снизили участие прокурора в формулировке обвинения и формировании доказательственной базы при взаимодействии с органами, осуществляющими предварительное следствие, и, ввиду этого, его роль в определении предмета судебного разбирательства. Нововведениям одним из первых дал свою оценку бывший Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка: во всём мире прокурор может давать следователю обязательные к выполнению указания, что подтверждает фактическое главенство стороны обвинения. А в российском уголовном процессе прокурор лишь формально возглавляет обвинительно-следственную власть.

Действительно, российская модель взаимодействия прокурора и следователя явствует о самостоятельности следственных органов и их изолированности от прокурорского влияния. Верховенство внутриведомственного интереса и узкий круг процессуальных возможностей прокурора лишает его возможности повлиять на качество и законность проводимого следствия, чем происходит фактическое отстранение его от функции уголовного преследования и формулировки предмета судебного разбирательства. Преодолеть изложенную проблему позволит одобрение Законопроекта № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)», который отстаивается некоторыми депутатами Государственной Думы РФ (например, Г.А. Зюгановым, Н.В. Коломейцевым, И.И. Мельниковым, Ю.П. Синельщиковым и А.А. Пономаревым).

Заключение

По результатам проведённого исследования необходимо резюмировать следующие выводы.

Появление прокуратуры связано с назреванием необходимости стороннего надзора за деятельностью государственных органов и должностных лиц. Родоначальником прокуратуры является Пётр I, которым введены должности генерал-прокурора (при Сенате) и обер-прокурора (на местах). Реформа 1864 г. усилил роль прокурора во всех сферах общественной жизни, а в уголовно-процессуальной сфере дал право на возбуждение уголовных дел, выступление в суде в качестве государственного обвинителя, а также отказаться от предъявленного обвинения.

Великая Октябрьская революция 1917 г. упразднила дореволюционную систему прокуратуры, а спустя 5 лет возникла потребность в беспристрастном и независимом надзоре.

В СССР прокурор являлся стражем порядка и закона, обеспечивал и сохранял верховенство социалистического закона, стоял на защите прав и свобод человека и гражданина, обладал правом процессуального руководства за органами предварительного расследования. Действующая процессуальная форма участия прокурора в предварительном расследовании уголовного дела фактически отстраняет его от формулировки предварительного обвинения и возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, на которых он будет строить позицию стороны обвинения на судебных стадиях рассмотрения дела.

Сформулированный органами предварительного расследования и прокурором обвинение становится предметом судебного разбирательства (ч. 1 ст. 252 УПК РФ).

К сожалению, необходимо констатировать, что сохранение действующей модели взаимодействия прокурора со следственными органами лишь усиливает декларативное отношение к прокурору как главе стороны

обвинения, а также отстраняет его от формулировки обвинения, определяющего в последующем предмет судебного разбирательства.

На этапе судебного следствия прокурор как государственный обвинитель может определять порядок исследования представляемых доказательств, очерёдность допроса подсудимых, потерпевших, иных лиц, участвовать в осмотре вещественных доказательств.

Прения сторон – это этап судебного разбирательства, предполагающий диалог между стороной обвинения, защиты и судом. В рамках прений сторон государственный обвинитель выступает с обвинительной речью, состоящей из вступительной части, основной части, где описывается фабула преступления, анализируются и оцениваются собранные по делу доказательства, обосновывается квалификация содеянного, и содержатся другие сведения, заключительной части.

Прокурор участвует в рассмотрении уголовного дела во всех стадиях судебного разбирательства (подготовительной части, судебном следствии, прении сторон, последнем слово подсудимого, постановлении и провозглашении приговора).

В процессе исследования научного, нормативного и прикладного материалов выявлены следующие пути совершенствования участия прокурора в судебном разбирательстве:

Во-первых, если государственный обвинитель сомневается в доказанности вины подсудимого, а равно его причастности к расследуемому преступлению или отдельному преступному эпизоду, закон предоставляет государственному обвинителю право на частичный или полный отказ от предъявленного обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Представляется необходимым дополнить п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснениями о недействительности отказа государственного обвинителя от обвинения при наступлении обстоятельств, предусмотренных п. п. 3-6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.к. они не зависят от количества

и качества собранных стороной обвинения доказательств, подтверждающих виновность подсудимого... Государственному обвинителю при отказе от обвинения допускается пользоваться лишь тремя основаниями: п. п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Во-вторых, ни в положениях Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ни в нормах УПК РФ не определяется порядок избрания и назначения прокурора на роль государственного обвинителя. Из опыта практикующих прокуроров можно выявить, что государственное обвинение поддерживают, как правило, помощники прокуроров, которым за короткий промежуток времени требуется изучить вверенное уголовное дело, подготовить убедительную обвинительную речь и тактику поддержания государственного обвинения. В действительности помощник прокурора проявляет процессуальную пассивность, вызванную недостаточным временем подготовки, низкой осведомленностью о процессе произведенного расследования, а также небольшим практическим опытом работы в органах прокуратуры.

Сохранение изложенной тенденции приводит к малозначительной роли прокурора в судебных стадиях расследования уголовного дела. Из приведенных в настоящей работе социологических опросов явствует безрезультативность участия государственных обвинителей в мировых и районных судах, т.к. их стороны наблюдается частая процессуальная пассивность, ограничивающаяся формулировками из обвинительного заключения.

Одним из доступных решений представляется редактирование абзаца 2 п. 1.4 Приказа Генпрокуратуры России «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» через введение в оборот следующего правила:

«Назначать государственных обвинителей не менее чем за 5 суток до начала судебного заседания, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству».

В-третьих, реформы 2007-2011 гг. в значительной степени снизили участие прокурора в формулировке обвинения и формировании доказательственной базы при взаимодействии с органами, осуществляющими предварительное следствие, и, ввиду этого, его роль в определении предмета судебного разбирательства. Нововведениям одним из первых дал свою оценку бывший Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка: во всём мире прокурор может давать следователю обязательные к выполнению указания, что подтверждает фактическое главенство стороны обвинения. А в российском уголовном процессе прокурор лишь формально возглавляет обвинительно-следственную власть.

Действительно, российская модель взаимодействия прокурора и следователя явствует о самостоятельности следственных органов и их изолированности от прокурорского влияния. Верховенство внутриведомственного интереса и узкий круг процессуальных возможностей прокурора лишает его возможности повлиять на качество и законность проводимого следствия, чем происходит фактическое отстранение его от функции уголовного преследования и формулировки предмета судебного разбирательства. Преодолеть изложенную проблему позволит одобрение Законопроекта № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)», который отстаивается некоторыми депутатами Государственной Думы РФ (например, Г.А. Зюгановым, Н.В. Коломейцевым, И.И. Мельниковым, Ю.П. Синельщиковым и А.А. Пономаревым).

Список используемой литературы и используемых источников

1. Антонов И.А., Горленко В.А. Функции прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства: понятие, содержание, «тенденции к сокращению» // Российский следователь. 2008. № 20. С. 5-9.
2. Басков В.И. Прокурорский надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах. М. : Юрид. лит., 1986. 288 с.
3. Божьев В.П. Актуальные проблемы производства по делу на рубеже главных стадий уголовного процесса // Законность. 2008. № 9. С. 8-13.
4. Бозоян А.О, Дондоков Ц.С. Становление и реализация концепции уголовного преследования, прокурорского следствия и надзора за ним // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 9. С. 160-172.
5. Буглаева Е.А., Тетюев С.В. О новых полномочиях прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 40-42.
6. Буланова Н.В. Участие прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства: учеб. пособие. Университет прокуратуры РФ. М., 2019. 108 с.
7. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части: Учебное пособие. Томск : Изд-во НТЛ, 2007. 192 с.
8. Воронин О.В. Прокурорское уголовное преследование в различных стадиях и производствах отечественного уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. №. 1 (7). С. 24-32.
9. Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора, утв. Циркуляром НКЮ РСФСР от 29 июля 1922 г. // Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 28. С. 14-16.
10. Головкин Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9-16.

11. Градовский А.Д. Высшая администрация России XVII столетия и генерал – прокуроры. СПб., 1866. 287 с.

12. Доклад Генерального прокурора РФ на заседании СФ ФСР Ф за 2012 год // URL: gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances /82414/ // Дата обращения: 20.06.2024 г.

13. Доклад ГП РФ Чайки Ю.Я. в ГД РФ 31.05.2012 о состоянии законности и правопорядка в России в 2011 году // СПС КонсультантПлюс.

14. Жогин Н.В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968. 264 с.

15. Зайцева О.А. Изучение материалов уголовного дела как основа подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 250-257.

16. Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-Х «О прокуратуре СССР» // СПС КонсультантПлюс.

17. Информационное письмо от 11.04.2012 № 36-22-2010 заместителя Генерального прокурора Российской Федерации В.Я. Гриня прокурорам субъектов Российской Федерации «О состоянии прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС КонсультантПлюс.

18. История российской прокуратуры: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Д.В. Колыхалов, А.Е. Шарихин, Н.Д. Эриашвили, В.Н. Галузо. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 127 с.

19. Кириллова Н.П. Поддержание государственного обвинения в суде. СПб., 2003. 148 с.

20. Кириллова Н.П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции: учебное пособие. СПб., 1996. 56 с.

21. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1967. Т. 4. 544 с.

22. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры. Петроград, 1924. 116 с.
23. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. № 31. 04.08.2014. ст. 4398.
24. Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе: монография. М. : Юрлитинформ, 2006. 360 с.
25. Коршунова О.Н. Руководство для государственного обвинителя. Учебники и учебные пособия. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2011. 970 с.
26. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 76 с.
27. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮРАЙТ, 2012. 295 с.
28. Лазарева В.А. Участие прокурора в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. М. : Издательство Юрайт, 2019. 215 с.
29. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политическая литература, 1973. Т. 26. 622 с.
30. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. 552 с.
31. Мусейбов У.А. Процессуальные функции и полномочия прокурора // Российский следователь. 2016. № 21. С. 6-10.
32. Настольная книга прокурора. В 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. 4-е изд., перераб. и доп. - М. : Издательство Юрайт, 2016. 378 с.
33. Никитин Е.Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 198 с.
34. Ошуркова И.Г. Функции прокуратуры в советском уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2017. № 21 (155). С. 335-339.

35. Паничева А.И. Государственное обвинение: новые требования // Уголовное право. 1997. № 4. С. 19-23.

36. Постановление Верховного Суда Республики Крым от 07 сентября 2020 г. по делу № 1-3/2020 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.).

37. Постановление ВЦИК от 28.05.1922 «Положение о прокурорском надзоре» // СПС КонсультантПлюс.

38. Постановление Краснодарского краевого суда от 27 марта 2019 г. по делу № 22К-1925/2019 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.).

39. Постановление Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербург от 21 июля 2020 г. по делу № 1-14/2020 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.).

40. Постановление Ленинградского областного суда от 17 октября 2019 г. по делу № 22-2192/2019 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.).

41. Постановление Ленинского районного суда г. Красноярск Красноярского края от 8 февраля 2024 г. по делу № 1-13/2024 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.).

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

44. Постановление Советского районного суда г. Красноярск Красноярского края от 15 января 2019 г. по делу № 1-66/2019 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.)

45. Постановление Центрального районного суда г. Омск Омской области от 24 июля 2020 г. по делу № 1-172/2020 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.).

46. Приговор Кинельского районного суда Самарской области от 09 февраля 2024 г. по делу № 1-286/2023 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 03.09.2024 г.)

47. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 14 ноября 2023 г. по делу № 1-238/2021 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.)

48. Приговор Центрального районного суда г. Омска Омской области от 19 февраля 2024 г. по делу № 1-376/2023 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 03.09.2024 г.)

49. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС КонсультантПлюс

50. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 (ред. от 03.07.2024) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС КонсультантПлюс

51. Проект Федерального закона № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.09.2018) // СПС КонсультантПлюс

52. Прокуратура Российской империи в документах, 1722-1917: хрестоматия / В.В. Лавров, А.В. Ерёмин, Н.М. Иванова; под. ред. Г.В. Штадлера. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 172 с.

53. Прокурорский надзор в СССР. Учебник для юридических институтов и факультетов / под ред. М.П. Малярова. Изд-во «Юридическая литература», 1966. 330 с.

54. Прокурорский надзор: Учебник / Винокуров Ю.Е. и др.; под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. - М. : Высшее образование, 2005. 460 с.

55. Пучковская М.Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 26 с.

56. Решение Верховного Суда Республики Карелия от 27 ноября 2023 г. по делу № 3А-74/2023 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.)

57. Решение Верховного Суда Республики Крым от 24 июня 2021 г. по делу № 2А-105/2021 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.)

58. Решение Забайкальского краевого суда Забайкальского края от 25 мая 2021 г. по делу № 3А-83/2021 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 07.07.2024 г.)

59. Рыбанова В.В. Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения и пути их разрешения // Молодой ученый. 2021. № 17 (359). С. 217-222.

60. Рябинина Т.К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 18-25.

61. Рябова Л.Г. Публичная речь государственного обвинителя в суде: учебное пособие. Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Иркутск, 2013. 131 с.

62. Савельева Н.В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе: учеб. пособие / Н.В. Савельева. – Краснодар : КубГАУ, 2019. 95 с.

63. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. 383 с.

64. Сапожников И.Г. Прокурорский надзор в СССР. Алма-Ата, 1977. 280 с.

65. Севастьяник И.К. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 100 с.
66. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное судопроизводство. СПб., 1887. 184 с.
67. Синельщиков Ю.П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 9-14.
68. Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М., 2006. 384 с.
69. Стрельников В.В. К вопросу об осуществлении прокуратурой уголовного преследования // Право и безопасность. 2012. № 1. С. 64-69.
70. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 236 с.
71. Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: дисс. канд. юрид. наук. М., 2016. 318 с.
72. Таболина К.А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. кандидат наук. М. 2016. 39 с.
73. Таболина К.А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел. М. : Норма, 2019. 300 с.
74. Таболина К.А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 129-138.
75. Темираев О. Реформа следствия нужна // Законность. 2004. № 1. С. 30-36.
76. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф.

В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. - СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. 583 с.

77. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52. ст. 4921.

78. Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 08.12.2008. № 49. ст. 5724.

79. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 11.06.2007. № 24. ст. 2830.

80. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.05.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 47. 20.11.1995. ст. 4472.

81. Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // Собрание законодательства РФ. № 1. 03.01.2011. ст. 16.

82. Федорова Е.Г. Содержание обвинительной речи прокурора в прениях сторон // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей LXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 февраля 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 194-196.

83. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т.1. 607 с.

84. Чернявский Н. Прокурорская власть. Нижний Новгород, 1917. 20 с.

85. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. 192 с.

86. Щегловитов И.Г. Прокуратура на предварительном следствии // Юридический вестник Московского юридического общества. М., 1887. Том XXVI. Книга первая. С. 88-101.

87. Элькинд П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам: Сборник статей. Л. : ЛГУ, 1967. 196 с.